

Иван Алексеев
ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО
Рассказ (продолжение)

2. В неспешных ритмах

Третье утро подряд Красновы шли пешком к новому мосту на рыбалку. Воды на нижней Волге из-за малоснежных зим в центральной России было мало, так как на водохранилищах пытались оптимизировать её расход, растягивая процесс спуска. Последние затяжные вёсны с привычными во второй половине мая ветрами и не привычно редкими жаркими днями, перебиваемыми дождями и холодом, сбивали с толку и людей, и рыбу. Рыба была голодная, как сказала Красновым продавщица червей и удочек. Женщина не обманула. По детской памяти Вовы к этому времени большая вода спадала, и нерест, а вместе с ним рыбалка для любителей, заканчивались. Но в этом году большой воды не было. А ту, что дали недавно, пока не нагрелась, так что потерявшие ориентиры последние косяки рыбы ещё стремились попасть в тёплые узкие протоки.

Вода по такой погоде казалась ледяной для купания. А чтобы спокойно позагорать, нужно было искать далёкие незатопленные пляжи. Красновы попробовали поискать. Перешли из города по новому мосту через протоку на обливной остров и пошли в сторону Волги. До песка добрались только-только к полудню, когда на ясное с утра небо уже наплывали белые облака. Хотя супруги спрятались от свежего речного ветра за кустами, им было не жарко, когда облака закрывали солнце, и хотелось прожариться, когда оно показывалось. За это своё хотение они потом целый вечер мазали свою обгоревшую кожу кефиром.

Единственным приятным впечатлением от похода осталась дорога по безлюдному острову. Первую живую душу – рыбака они встретили, только выйдя на Волжский плёс. А на всём пути туда и обратно совсем несложно было представить себя на необитаемой земле и расслабиться, слившись с неспешным темпом растительного бытия.

Тропинка вела их через высохшее заливное поле с редкими кустами. Чёрные вороны облепили верхушки далёких тополей. Редкая птица каркнет, слетит, приземлится или направится через поле к деревьям на другом берегу. Вдруг недовольно загудит шмель, или перелетят тропинку стрекозы. С налёта, между порывами ветра, попробуют атаковать прохожих слепни. Кто-то невидимый цыкнет в траве, прошелестит, замрёт.

Трава нежно-зелёная, юная, не догадывающаяся о скором пришествии губительного зноя и засухи. Повсюду кустики цветущей верблюжьей колючки. Молодой камыш. Полынь. Семейка красных маков. За маками поросшая сорняками возвышенность, на которой внимательный взгляд приметит торчащий из земли кусок бетонной сваи, ржавую железку в кустах и горку битых кирпичей в камышах – возможные следы прошлой обитаемой жизни.

До разрушительной Горбачёвской перестройки через протоку ходил катер. На острове стоял десяток домов, жили люди, паслось несколько коров.

Когда катер перестал ходить, жители острова вынужденно покинули свои дома. И ничего от них не осталось. Двадцать лет с небольшим всего прошло, а остров выглядит так, как будто всегда был необитаем...

С красными, как ошпаренными, лицом и плечами, недовольная походом и уставшая от бесконечных переживаний свекрови, как прошла свадьба, и годен ли жених, супруга спросила Краснова:

– Что мы тут будем делать? Неужели целую неделю придётся слушать твою маму? Дура я, дура. Опять зря тебя послушала. Не надо было нам оставаться.

Без рыбалки Краснову пришлось бы туго. Но ему повезло. Благодаря клевавшей пока рыбе, в жене проснулась рыбацкая страсть, которую не смогли потушить ни ползающие гады за городом, ни мусор под городским мостом, где они пристроились удить, сбежав от змей.

Змеи были на речке, на которую Краснова когда-то возил дядя Лёша.

Знакомые места узнавались с трудом. Масштаб детского и взрослого взгляда слишком отличался. То, что в детстве казалось Володе полноводной рекой, было обычной речушкой, по которой высокая вода несла коряги с

прибившимся к ним мусором. Низкие берега заросли травой. Все удобные подходы к воде были заняты машинами и рыбаками обоего пола.

Умчавшиеся на работу родственники довели Красновых до одного из береговых обрывов, где супруги бочком присоседились к двум парням со спиннингами, переделанными в поплавные удочки. Парни с завидной регулярностью по очереди тащили воблу, тарашку и краснопёрку, накидав почти полное синее пластиковое ведро рыбы, и посмеивались над калиброванным, в ладонь, её размером, будто бы показывавшим, что выше по течению стоят сетки.

Родственники выдали Красновым одну поплавную удочку и несколько «закидных» – намотанные на деревяшки длинные лески с крючками и тяжелым грузилом, позволяющим закидывать наживку далеко от берега. Поплавная далеко не летела, и Краснов её отбросил.

Первую рыбку вытащила Краснова, и процесс – не так складно, как у соседей, зато с большим азартом – пошёл.

Женщина быстро научилась держать леску на пальце и чувствовать поклёвки. Их было много, но подсекать не всегда удавалось, и рыба часто сходила с крючка. Когда пустую леску тащили на берег, крючки карябали дно, цепляясь за все подряд, – за траву, корни, камни, плывущий и потонувший мусор. Мужчина не столько ловил, сколько насаживал на крючки червей, забрасывал и освобождал удочки от частых зацепов.

В добычливом пылу Красновы не сразу заметили ужей, которые ползали в земляных трещинах под обрывом. Супруга заметила первой, завизжала и придвинулась к соседям, надеясь, что у них чистое место. Но змеи были и там, и вообще, если приглядеться, всюду по берегу. Иногда они, пугая, стремились выползти к людям, погреться на облюбованных местах, или с высоко поднятой головой плыли по воде.

Краснова вошла в нервы, отслеживая перемещения ползучих гадов и требуя от супруга отгонять особо настырных. Но ловить рыбу не бросала. Ловила и трусила. Бояться у неё получалось непосредственно и эмоционально. Чуть растерянная, смущённая, готовая мгновенно отпрянуть и закричать, ищущая защиты и понимания, – она вошла в то естественное состояние открытости и доверия, которое всегда в ней трогало Краснова. А за змеями следила так внимательно, что они приснились ей ночью, заставив прижаться к мужу, чтобы успокоить отчаянно заколотившееся и готовое выпрыгнуть из груди сердце.

После этой нервной рыбалки отдыхать за городом Красновой перехотелось, и следующим утром супруги пошли рыбачить к мосту, через который переходили на обливной остров.

Вместо змей на закованном в бетон берегу были кучи глины и мусора. Особенно грязно было на причальном спуске, откуда сподручнее всего кидать удочки, и куда, обходя битое стекло и засохшие остатки еды и испражнений, привел жену Краснов.

– Неужели нам надо ловить среди этого навоза? Я не хочу здесь, – возмутилась она.

– Давай попробуем, раз всё равно пришли, – попросил Краснов. – Может, и клёва не будет. Уйдём со спокойной душой.

Он быстро примотал концы лески к причальной железке в нижней выемке затенённой боковой стены, стараясь не обращать внимания на стойкий запах мочевины в углу, и закинул удочки. Пока разматывал леску и насаживал на крючки червей, сетовал, что гадят и мусорят единицы, но их достаточно, чтобы всё вокруг превратить в помойку. Жена разговор не поддерживала. Поджав губы и выпрямив спину, всем видом она показывала нежелание превозмочь брезгливость.

Рыба клевала не хуже, чем за городом. Два смуглых пацана кавказских кровей, занявшие место у противоположной освещённой стены, ловили одной удочкой, по очереди, соревнуясь, кто поймает самую большую рыбку, и ревниво поглядывали на соседей. Когда самый громкий из них счёл необходимым доложить Краснову своё наблюдение: «Дядь, а Ваша жена ловит лучше Вас!» - по женскому лицу пробежала довольная улыбка, и надутые губы обмякли. А вскоре Красновой удалось вытащить большого леща и, хочешь-не хочешь, пришлось принять рыбацкое место таким, каким оно было.

И вот третий раз подряд, выспавшись и позавтракав, Красновы выходили из дома, как на работу, вливаясь в уличный поток спешащих по делам людей.

Шли они до конца квартала пятиэтажек, потом сворачивали в район одноэтажных домов и гаражей, по которому выходили к железнодорожному переезду. Сразу за переездом начиналась насыпь нового моста, вдоль

которой до речки было рукой подать. Весь путь был не долог и спокоен, особенно после поворота.

На грязном причале было еще спокойнее. Шум от машин внизу приглушённый, перед глазами – воды песочного цвета, спокойные у берега и взволнованные на стремнине неширокой речки, бетонные конструкции на близком противоположном берегу зелёного острова, белые облака над головой, яркий до белизны солнечный свет. Насадил червей, забросил удочки, стой и любуйся речным пейзажем с городским колоритом. Если клюнет - тащи, если вытащишь – снимай с крючка, бросай в ведро, насаживай червяка, закидывай удочку и снова стой и жди, радуясь покою и подчиняясь неспешному ритму речной жизни. Мягкое дёрганье пальца с леской, азартное вытягивание попавшейся рыбки, свист забрасываемой лески и бульканье грузила, бьющая хвостами в ведре добыча, загар, жадно хватающий шею и руки, – общей радости им хватало часа на три, до обеденной жары, потом тяжелели ноги, подкрадывалась усталость, а клёв затихал.

Дома Красновых ждал обед, послеобеденный отдых, засолка и жарка рыбы, телевизор и минимум времени на пустые разговоры. Хотя совсем на замок роток не закроешь, и маме Краснова вечером удавалось иногда и невзначай уколоть сноху словцом – это было каплей, которую можно было терпеть, не выливая на супруга ушат эмоций.

Хотя сегодня рыбалка складывалась хуже, чем в предыдущие дни, у обоих супругов было хорошее настроение. Вечером они шли на балет «Лебединое озеро».

Для выхода в свет Краснова приготовила пошитое по старой «Бурде» серебристое шёлковое платье ниже колен с коротким усечённым рукавом, кожаные поясик и итальянские босоножки, приобретенные на свадьбу. Из украшений планировались ожерелье из речного жемчуга и серебряные серьги с большими жемчужинами. Прическа пока обдумывалась, но суть была понятна: слегка подкрутить и поднять, добавив коротким волосам объёма и толику пикантной растрёпанности.

У Краснова, честно говоря, глаза на рыбалке не горели, да и хлопотать приходилось много, особенно с учетом маникюра жены и её страха ко всему ползающему и извивающемуся, включая червей. Ему надо было успевать за

двоих, мириться с землёй под ногтями, с липкими грязными руками, с норовящими зацепиться о кожу крючками, бороться с зацепами, перевязывать оторванные грузила и крючки. Дяди Лёшину науку вязать снасти он вспомнил, но с ослабевшими из-за возраста глазами привязывать крючок к тонкому поводку, а поводок к леске казалось не легче, чем вдеть нитку в игольное ушко.

А, вместе с тем, его душа, успокоившаяся и поймавшая на загородных и речных просторах низкий темп жизни природы, подавала внутренние послы, заставляя внимательно присматриваться к мелочам и отрывать взгляд от земли, звала за горизонт и ввысь, в непонятную бесконечность. Иногда он сдерживал себя, чтобы не запеть, потому что супруга не любила его пения, но петь всё равно хотелось, и от этого хотения невольно вспоминались обрывки музыкальных фраз и крутились, крутились и крутились в голове, придавая духу странное осознание отстранённости от мира.

Сегодня по дороге на речку Краснова будил сладко-пряный запах цветущих акаций. Он и раньше заставлял мужчину водить носом, но сегодня показался особенно сильным. Не выдержав, Краснов остановился около одного пахучего дерева, нагнул ветку и принялся к белому облаку цветов. *«Белой акации гроздь душистые / Ночь напролёт нас сводили с ума»*, – всплыла в памяти фраза известного романса, и весь путь он напевал её про себя, вытягивая звуки, поднимая и опуская внутренний голос до самого тихого трогательного звучания.

Весь день потом, когда заходила речь о театре, – что надеть, пойдём или поедем и во сколько, – приглушенно звучала в его голове музыка про душистые гроздь белой акации, навеявая сладкие, как в юности, грёзы...

Нарядные супруги уже собрались выходить из дома, когда Краснова впала в отчаянье, обратив внимание на свои пятки. Огрубевшая на пятках кожа набрала грязи, некрасиво выглядывая из новеньких босоножек. Пришлось раздеваться и оттирать грязь пемзой и жёсткой мочалкой. Заняло это десять минут, но переживаний и эмоций, как всегда, выплеснулось так много, что баюкавшая Краснова музыка сбежала из головы.

До театра они шли пешком. По пути Краснова оглядывалась и заставляла мужа оглядывать её пятки, требуя сказать честно, идут ей босоножки или нет. Открытые туфельки красиво перетягивали ремешками стопы крепких пока ног с упругой кожей, сидели, как влитые, хотя, если быть

честным, как она того требовала, капелька дисгармонии присутствовала; изящные босоножки лучше подходили более узким стопам.

Влившись в один из тянущихся к театру, не раз виденных Красновым в прошлом, и уже в этом году ручейков нарядных людей, предвкушающих скорое удовольствие, супруги погрузились в общую благодатную атмосферу и смогли, наконец, совершенно успокоиться.

Поднявшись на первый ярус каскадной лестницы, Краснова утянула мужа в сторону, на скамеечку около бассейна с фонтаном, прыскающего вверх на плавно меняющуюся высоту разнокалиберными струями воды, переливающимися в фиолетовой и розовой подсветке. По другую сторону лестницы был точно такой же бассейн с таким же фонтаном. Вдвоём они образовывали большую восьмёрку и наверняка что-то означали. Слияние духовного и материального, мир и гармонию, знак высшей справедливости, символ вечности и бесконечного?

Красновой было не до символов, о которых пробубнил мудрствующий супруг. Она сняла натёршую ноги обувь и массировала ступни в области боковых косточек, блаженно шевеля свободными пальцами. Потом довольно засмеялась, бросив взгляд на соседнюю скамейку, и потолкала локтем мужа, обращая его внимание.

Там три подруги типичной для пятидесятилетних женщин комплекции «с жирком», в богатых платьях и с причёсками из салона, переобували коренастые ножки из легкомысленных «шлёпок» в туфельки на высоких каблучках.

– Тоже надо было в «шлёпках» идти и здесь переобуться. Пятки боялась запачкать, – объяснила Краснова то ли себе, то ли мужу.

– Не знаю, как досижу, – пожаловалась она, еле втиснувшись в босоножки. – На колготки-то они очень хорошо лезут, а на голые ноги – нет.

Небо очистилось от облаков, радуя глубокой синевой. Уставшее за день солнце было пока высоко, но уже перестало припекать. Ветер тоже умерил свою силу. Воздух понемногу наполняла вечерняя прохлада, уже ощутимая в тени театра, у ограды парка, где деревья – прямые стволы и шаровые кроны – замерли, как тянущие подбородок часовые.

Вдоль ограды, вокруг театрального холма, гулял праздный народ. Мамы с колясками, женщины без возраста, с внуками или в компании близ живущих соседок, доедающие мороженое смешливые школьницы, парочки, юные и не очень, с подаренными цветами и без них. Малые дети и подростки

женского пола штурмовали травянистые склоны, подбираясь к высоким лестничным парапетам. Шестидесятилетний джентльмен с широким русским лицом и приглаженной крашеной шевелюрой, в купленных за границей шортах и футболке, стремительно, с профессиональным умением, катил на роликах, мягкими движениями уклоняясь от пешеходов. За то время, что Красновы сидели на скамейке, молодой старик на круг обошел других роллеров - стройного мужчину средних лет, кудрявого, русоволосого, с ухоженной седой бородкой, держащего за руку худенькую брюнетку, под стать ему возрастом, сложением, ростом и молодежным «прикидом». Волосы сзади у женщины были уложены в тугий пучок, а у партнёра собраны в развевающуюся на скорости косичку. Колоритная парочка катила размеренно, степенно обговаривая некие важные вопросы, явно недоступные обычному человеку.

Громада театра, похожая на обездвиженного и немом великана, взирала с высоты своего положения на движущееся и копошащееся в парке людское многообразие, такое живое и разное, бредущее по земле и стремящееся вверх, мнящее о себе зачастую нечто значительное и, как правило, пустое, не различимое даже вблизи.

Окна здания призывно светились. Гостеприимно раскрытые входные двери, высотой в два этажа, вбирали добравшихся до них зрителей.

В фойе Красновых встретили белоснежные стены с золотой вязью и море света.

Трёхуровневые белокаменные балконные ярусы опоясывали пространство фойе изнутри, представляясь Краснову вывернутой наизнанку приснопамятной наружной конструкцией ярусов сгоревшего летнего театра. Все балконы были ярко освещены огромными подвешенными люстрами и светильниками – круглыми, встроенными в потолок, и настенными, в виде рядов ламп.

Широкая мраморная лестница с двумя площадками вела к красным дверям с жёлтым узором, окружённым резной золоченой вязью, имитирующей царские врата. Их сторожили белые мраморные колонны, на которых были водружены большие светильники в форме шара.

Периллы лестницы начинались короткими колоннами с белыми вазонами и цветами. На верхние конечные колонны перилл были водружены светильники, стилизованные под канделябры с высоченными ножками желтого металла.

Центральная часть белого потолка над лестницей делилась на ряды квадратов, которые тоже светились, от крайних рядов к центру – синим, голубым, лазоревым светом.

Дополнительными скрытыми лампочками подсвечивались края потолка. Рассеянный дневной свет из окон вносил свою толику в общую иллюминацию.

Много света. Много белого. Много золота. Много воздуха и пространства, приглушающего разноголосый гул сотен людей...

По красной ковровой дорожке, лежащей на мраморной лестнице, Красновы поднялись к красным воротам в зрительный зал и из белого открытого мира попали в закрытый мир тайны, оформленный в красной и жёлтой палитре.

Потолок зала по краям – бордовый, в центральной его части, внутри желтой окружности, – аленький цветок из 12-ти лепестков. Тычинки и пестики цветка представлены жёлтыми металлическими нитями и белыми светильниками большой центральной люстры.

Жёлтый паркет и кресла бордового цвета в партере и амфитеатре. В бельэтаже, ложах и на балконах бордовые шторы с жёлтыми кистями. Бенуар без штор, за жёлтой стенкой с бордовыми подлокотниками. За похожими стенками все ярусы. На гладкие жёлтые участки стенок прикреплены светильники с яркими белыми лампами. Между ними жёлтая кружевная

лепнина на розовом фоне. Внутреннее убранство лож и балконов в тёмных бордовых тонах.

Сцену окаймляет двойная жёлтая граница – сплошная внешняя и резная внутренняя. Над сценой занавес в виде трёх бордовых ступеней с золотистой оторочкой.

В правительственной ложе шторы и полукруглые занавеси тех же тонов, что и на сцене. Внутренние стены ложи – алые, освещены собственной люстрой. Над ложей – двуглавый золотой орёл на красном фоне.

Красновы сели на боковые места в одном из средних рядов партера. Присаживались они в полупустом зале и до начала представления имели возможность осмотреть многих зрителей, занимавших свои места позже.

На первом ряду в бенуаре расположились девушка с мамой, на которых Краснов обратил внимание перед входом в театр. Точнее, он засмотрелся на девушку. Она стояла в нескольких шагах от входа, отвернувшись на пол оборота от людей, вынужденно сбивающихся в дверях перед контролёрами, кого-то ждала. Спадающие до плеч чёрные локоны, прямой нос и линии приподнятого подбородка и длинной шеи в профиль, особенно выразительные на фоне предзакатного солнца. Гордая осанка спины, синие туфельки на длинных шпильках, на тон светлее туфель синее платье с вертикальными сборками – длинными, до земли, сзади, и короткими, открывающими стройные загорелые ноги выше середины бёдер, спереди.

Краснов уже насмотрелся за вечер на красивые дорогие платья. Каждая вторая из подтягивающихся к театру девушек и женщин стремились отличиться. Платье незнакомки выделялось среди отличившихся. Пошито оно было очень продуманно, объединяя линии лица, туловища и ног в цельный образ возвышенного создания, наречённого судьбой принцу, а, с другой стороны, являло подспудное требование женского естества найти себе достойного мужа. Краснов так и подумал о девушке невольно, как о томящейся принцессе, мечтающей если не о принце, то о рыцаре, но готовой выйти замуж за первого встречного. И даже посочувствовал ей и её избраннику, если такой был. Девушке потому, что мужчины обычно обходят требовательные создания стороной, тем самым усиливая женские ожидания. Тому же, кто не смог обойти, нужно было сочувствовать по определению.

Всё-таки оказалось, что принца у неё нет. А есть, кроме мамы, тётушки или мамыны подруги, устроившиеся во втором ряду. Девушка сидела на лучшем месте, положив белый локоть на бархатный подлокотник, и

рассеянно смотрела на сцену, отвернувшись от своих женщин и вряд ли слушая их разговор. Мама преданно смотрела своему ребёнку в спину, улыбаясь и явно любуясь лучшей для неё девушкой на свете.

В том же направлении, поближе, выделялась другая пара, устроившаяся на крайних боковых местах в партере: похожие друг на друга худобой и бледностью кожи среднего роста мужчина и женщина лет тридцати. Мужчина был небрит по нынешней моде, одет в джинсы и тёмно-синий пиджак с нашитыми на локти лиловыми накладками. Женщина правой рукой держала в руках одинокую красную розу с длинной ножкой, левой переплела руку партнёра. На ней было летнее платье из легкой зелёной ткани с заклёпками, на тонкой шее – серебряная цепочка, на худой белой руке – серебряный браслет змейкой. Узкая кость, открытые бледные плечи, чёрные ласковые и живые глазки, единственно символизирующие о способности этого утончённо-измождённого создания любить. Это была вторая виденная сегодня Красновым европеизированная пара, считая ту, что каталась на роликах. Роллеры были постарше и поупитаннее, представляя собой возможное будущее «молодых».

Поведение этих людей со стороны не казалось полностью разумным. Был в нём изъян, беспокоивший Краснова. Если бы у него было время и желание проанализировать свои чувства, он бы подумал, что любовь, которую несут люди, раздвигая границы мира, эти чудаки прячут между собой, делая мир съёженным.

Он бы подумал так потому, что всегда чувствовал исходящее от людей тепло, а от этих не чувствовал. Значит, было оно совсем слабое, и хватало его только себе и тому, кто рядом.

Им надо было очень постараться, очень поломать себя, чтобы настроиться на такую экономию любви. Кто их этому научил? Неужели сами? Почему они не хотят быть похожими на то большинство вокруг, с искрой в глазах, с готовностью распространить свою любовь к избраннику на окружающих? На обычных женщин, забывших за нарядами и причёсками про натруженные ноги и накопленную с возрастом тяжесть тела. На людей, отзывчивых на радость и готовых делиться счастьем, – тех, от кого можно ждать и любви, и тепла, и продолжения рода.

Между тем публика наполнила зал. Настроения сотен людей взаимодействовали друг с другом, электризуя атмосферу и настраиваясь на волну ожидания чуда.

Среди гулкового людского шума под сводами зала в очередной раз прошелестела музыка с колокольчиками и ровный женский голос объявил, что прозвучал третий звонок.

Свет в центральной люстре и светильниках ярусов стал медленно гаснуть, впуская в замкнутое пространство сумрак тайны. Наконец, вступил оркестр и с первых же звуков интродукции уверенно захватил сумбурное пространство мешавшихся людских мыслей повестью о зачарованной девушке. Нежный гобой вел лирическую линию грустных романтических грёз, ему помогали арфы, их поддерживали скрипки. Звуки музыки разбегались по залу, замирали, отражались и поднимались ввысь, подчиняли и вели за собой в дивный мир, созданный композитором для своих ответов на вечные вопросы.

Постепенно сквозь радостные вариации ожидания счастья под возгласы тромбонов стали пробиваться тревожные нотки. Потом отдельные звуки сменились тревожными созвучиями, потом целыми фразами, всё чаще и всё громче врывавшимися в спокойное музыкальное течение. И вот уже все смычки заиграли тревогу. Вторя им, заголосили тромбоны, затрубили трубы и загремели литавры. Тревожный проигрыш звучал все сильнее и выше, учащая сердцебиение, пока, ударив напоследок в предчувствии беды, не рассыпался, вернувшись к трогательной песне и наполнив её грусть переливами роковой обречённости и тоски о любви, которой так трудно выжить на земле. Улетая в неизвестность, песня звучала всё тише и скоро стала совсем не различима ухом.

В наступившей тишине самые эмоциональные зрители выдохнули, раздались робкие аплодисменты и медленно поднялся занавес, открыв публике сцену с замершим мгновением дворцового бала.

(Продолжение следует)